

Глава третья

ОБРАЗ РАХМЕТОВА

Профессиональный революционер — это явление в русской жизни 50-х годов чрезвычайно редкое, почти неуловимое для наблюдения, так как вся его деятельность скрывалась под покровом строжайшей конспирации. Только такой писатель, как Чернышевский, организатор революционно-демократического подполья, великолепно знавший немногочисленных его представителей, смог дать обобщенный реалистический тип профессионального революционера того времени.

Революционное движение в России 50—60-х годов не было еще организованным массовым движением. «... революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было», — говорит В. И. Ленин¹.

Насколько редок был еще этот тип в русской жизни, свидетельствует сам Чернышевский: «Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин)».

Образ Рахметова не воплощает наиболее распространенных черт и особенностей характера определенной социальной среды. Профессиональные революционеры составляли то лучшее, но пока еще редкое, единичное, что выдвигала из своей среды разночинно-демократическая интеллигенция.

Рахметов типичен в том смысле, что в нем отразились самые передовые тенденции исторического развития, он воплотил в себе высший уровень развития творческих сил характера, возможный в пределах той исторической эпохи.

Своеобразие и сложность художественного изображения героической личности, «особенного человека» писатель ясно сознавал. В статье «Обыкновенное понятие о прекрасном и его критика» он писал: «... оригинальность только свидетельствует

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 94.

о том, что в этой личности, бросающейся в глаза, много силы: если человек резко отличается от других людей, то, значит, очень сильны были посторонние влияния, ...в зависимости от которых развивалась его личность; но эти посторонние влияния не подавили его, не сделали его существом бесцветным, бесхарактерным, которое всегда сгибается в ту сторону, куда клонит его какая-нибудь случайность, значит — еще сильнее были в нем обще-человеческие качества, выразившиеся в твердых чертах его характера; и потому такая личность получает всеобщее значение, делается представительницею человека — вообще именно по своей оригинальности, свидетельствующей о богатстве и полноте сил, в ней воплотившихся. В этом смысле необыкновенная личность самое лучшее выражение человека и человеческой природы вообще» (II, 138—139).

Можно упрекнуть Чернышевского теоретика в абстрактном, недостаточно историческом понимании «человеческой природы вообще», в понимании героических сил характера как «общечеловеческих качеств». Он недостаточно ясно понимал, не будучи историческим материалистом, источник того «богатства и полноты сил», которые характеризуют выдающуюся героическую личность. Только марксизм в состоянии научно объяснить воплощение этого исключительного «богатства и полноты сил» в отдельной личности, понять их как продукт исторической деятельности трудящихся масс, ведущих на протяжении веков героическую борьбу с природой, с поработителями, с собственной темнотой и забитостью. В этой борьбе вырабатываются те силы разума и воли, то богатство чувств и способностей, которые составляют героические силы и возможности «человеческой природы» и концентрируются в отдельной личности народного героя, независимо от того, является ли он сыном Зевса, как Геракл, рязанского мужика, как Илья Муромец, или даже тверского помещика, как Рахметов.

Но как бы ни объяснял Чернышевский источник богатства и полноты сил человека, он совершенно справедливо утверждает, что полное развитие эти силы могут получить только в борьбе с отрицательными, «посторонними влияниями» внешней среды, в преодолении этих влияний и обстоятельств, побеждая препятствия и трудности.

Могучие силы характера «особенного человека» формируются в борьбе с обстоятельствами, в сопротивлении обстоятельствам — эта мысль легла в основу изображения героической личности революционера, определила все особенности художественного метода Чернышевского в работе над образом Рахметова.

Образ Рахметова так же, как и образ Веры Павловны, Чернышевский дает в процессе формирования его характера. Но

в отличие от Веры Павловны его характер формируется в процессе преодоления обстоятельств и влияний более сложных и глубоких. Он не разночинец по происхождению, а дворянин. Чтобы стать даже «обыкновенным» новым человеком, войти в среду разночинно-демократической интеллигенции, ему надо было преодолеть влияние паразитической среды, порвать с привилегиями своего класса, с привычками и взглядами, прививавшимися ему с детства. Выражаясь языком Чернышевского, он должен был вырасти здоровым колосом на почве гнилой грязи, что само по себе возможно только как исключение. Рахметов, говорит Чернышевский, «служит живым доказательством, что нужна оговорка к рассуждениям Лопухова и Алексея Петровича о свойствах почвы, во втором сне Веры Павловны, оговорка нужна та, что какова бы ни была почва, а все-таки в ней могут попадаться хоть крошечные клочки, на которых могут вырастать здоровые колосья».

Проследивая путь формирования личности Рахметова, Чернышевский учитывает все обстоятельства, которые помогли ему преодолевать «сильные посторонние влияния». Он рассказывает о жизни Рахметова в помещичьей семье, где отец был жестоким крепостником и деспотом, «ультраконсерватором», а мать — хорошая женщина, страдавшая от его деспотизма. Картины крепостного рабства тоже развивали склонность к размышлению: «Да и видел он *что* в деревне», — говорит Чернышевский, характеризуя «задатки», которые «лежали в его прошлой жизни» и подготовили его превращение в «особенного человека».

Но поворотным и решающим моментом развития характера явилось для Рахметова знакомство с передовыми идеями своего времени. В круг новых революционных идей ввел его Кирсанов: «16 лет он приехал в Петербург обыкновенным, хорошим, кончившим курс гимназистом, обыкновенным добрым и честным юношею... Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные головы, которые думают не так, как другие, и узнал с пяток имен таких людей, — тогда их было еще мало... ему случилось сойтись с Кирсановым, и началось его перерождение в особенного человека, в будущего Никитушку Ломова и ригориста».

Овладение революционной теорией становится первым серьезным делом Рахметова и отправной точкой его дальнейшего развития: «В первые месяцы своего перерождения он почти все время проводил в чтении; ...когда он увидел, что приобрел систематический образ мыслей в том духе, принципы которого пашел справедливыми, он тотчас сказал себе: «теперь чтение стало делом второстепенным; я с этой стороны готов для жизни». ...Но, несмотря на это, он расширял круг своего

знания с изумительной быстротою: теперь, когда ему было 22 года, он был уже человеком очень замечательно основательной учености. Это потому, что он и тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти — никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «по каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени... Я читаю только самобытное».

В дальнейшем вся деятельность Рахметова сознательно подчинена одной великой цели — делу борьбы за освобождение трудящихся и эксплуатируемых, интересам практического осуществления тех революционных идей, которые стали смыслом его жизни и руководством к действию.

Необходимые для революционера теоретические знания он решает дополнить не менее необходимыми практическими знаниями о современной жизни простого народа. Для того, чтобы изучить народный характер, условия существования и реальные потребности народа, Рахметов «скитался по России разными манерами»; одновременно он сознательно развивает в себе те качества, которые пользуются любовью народа, которыми народ наделяет своих любимых героев: смелость, всесторонние трудовые навыки и, в особенности, богатырскую физическую силу. Для этого Рахметов «становится черноработчим по работам, требующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пилил лес, тесал камни, копал землю, ковал железо; много работ он проходил и часто менял их... Был пахарем, плотником, перевозчиком и работником всяких здоровых промыслов; раз даже прошел бурлаком всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска». В результате ему действительно удается заслужить в народе почетное прозвище Никитушки Ломова — волжского богатыря-бурлака.

Эта оригинальная, самим Рахметовым для себя созданная школа теоретической и практической подготовки к революционной деятельности, вырабатывает в нем черты «особенного человека» — человека необычайных героических сил и возможностей. При этом он сознательно и упорно вырабатывает в себе эти черты, которыми вовсе не был наделен от природы, сознательно подавляет и изживает в себе черты, привычки и склонности, вредные или просто бесполезные для революционного дела.

Путь революционной борьбы — это путь лишений, страданий, грозных опасностей. О нем говорил Некрасов, предрекая судьбу своего героя — революционера Гриши Добросклонова:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Об этом пути в статье о романе «Что делать?» писал Писарев: «Из них вышли люди, которым досталась слава героических страданий»¹.

Для такой судьбы нужны героическая стойкость и выдержка, умение владеть собой при любых испытаниях. Без этих качеств человек не имеет права становиться на путь профессионального деятеля революционного подполья, так как может принести неизмеримо больше вреда, чем пользы. Рахметов сознательно готовил себя к тяжелым испытаниям, проверял свою волю и выдержку. Поэтому, когда Кирсанов спрашивает его, для чего он пролежал ночь на острых гвоздях, так что, увидев его, квартирная хозяйка ринулась за врачебной помощью, он отвечает: «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же, на всякий случай нужно. Вижу, могу».

Такая всесторонняя тренировка и проверка своих сил, такое умение сознательно управлять своей судьбой, своим характером, страстями и побуждениями, исходя только из интересов революционного долга перед страной и народом, делает его «особенным человеком», способным направлять деятельность многих людей, обладающим непререкаемым авторитетом в кругу новых людей. Так раскрывает Чернышевский законы формирования героического характера.

Духовное превосходство Рахметова даже над передовыми людьми своего времени — над людьми типа Кирсанова и Лопухова неоднократно подчеркнуто в романе. Это ясно сознают и сами новые люди. Кирсанов, человек вовсе не склонный к самоуничтожению, говорит: «он поважнее всех нас здесь, вместе взятых». Ему вторит и Вера Павловна, которая утверждает, что Рахметовы — орлы, что — «это другая порода». В глазах новых людей Рахметов — высокий образец настоящего человека, предмет восхищения и пример для подражания. Ему доверяют больше, чем кому бы то ни было, его совет особенно ценят, к нему обращаются за помощью в самых затруднительных, сложных случаях.

«Благородные люди», по словам Чернышевского, под влиянием Рахметова, его личности и его жизни, проникаются желанием вступить на тот же путь, следовать за ним в борьбе за лучшую жизнь народа. Их не смущает то обстоятельство, что

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 641.

путь этот трудный, богатый опасностями и лишениями, что он скуден, «личными радостями».

Под влиянием Рахметова приобщается к борьбе революционного подполья «дама в трауре». Несомненно влияние Рахметова сказалось и в решении Лопухова перейти на нелегальное положение, что он и осуществляет, раздобыв себе иностранный паспорт на имя Бьюмонта. Не случайно Рахметов, никогда не бравшийся за дела, которые прямо не служат делу революции, активно участвует в инсценировке «самоубийства» Лопухова.

Громадное воспитательное значение образа Рахметова для советской молодежи заключается, между прочим, в том, что его пример с исключительной силой и яркостью доказывает огромное значение сознания и воли для образования характера. Силы и слабости характера не есть стихия, нечто раз навсегда данное «от природы». Они зависят от воли и разума человека, от его решимости выработать в себе одни качества или, наоборот, изжить, преодолеть другие. То, что было законом развития «особенного», исключительного человека — руководителя и вожака революционного подполья, теперь становится закономерностью развития каждого советского человека, так же как героизм в наше время становится все более и более массовым явлением.

Насколько глубоко отразились в этом героическом образе типичные черты последовательного, бесстрашного борца за освобождение и счастье народа, мы можем увидеть из того факта, что не только шестидесятники — современники Рахметова — находили в нем живое воплощение всех лучших и наиболее характерных свойств русской революционной демократии. Плеханов, принадлежавший уже к более позднему поколению, также говорил о том, что черты Рахметова он наблюдал у всех выдающихся революционеров, с которыми ему приходилось встречаться.

Большой интерес с этой точки зрения представляет известное признание Георгия Димитрова: «Ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского... Моим любимцем, в особенности, был Рахметов. Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса, — одним словом, быть таким, каким представляется мне этот безупречный герой Чернышевского... и для меня нет никакого сомнения, что именно это благотворное влияние в моей юности очень помогло моему воспитанию как пролетарского революционера, и находило свое выражение

в дальнейшем в моей революционной борьбе в Болгарии и на лейпцигском процессе»¹.

Раскрывая с достаточной полнотой и разносторонностью пути формирования героического характера, Чернышевский не ограничивается этим; он показывает Рахметова и уже вполне сложившимся человеком, раскрывая различные стороны характера «особенного человека»: его отношение к народу, взаимоотношения с «обыкновенными новыми людьми», отношение к женщине и т. д.

Писатель вместе с тем не мог сколько-нибудь полно показать своего героя в практике революционной работы, показать его отвагу и изобретательность, самоотвержение и мастерство как подпольщика. Это было невозможно и по цензурным условиям и потому, что борьба, носившая строго конспиративный характер, продолжалась и нельзя было обнаруживать ее формы. Поэтому Чернышевский широко использует прием намеков и недомолвок.

«Я знаю с ним больше, чем говорю», — многозначительно заявляет автор и подчеркивает, что у Рахметова всегда «бездна дел», так что он никогда не тратит времени на второстепенные дела и второстепенных людей. Демократическому читателю было ясно, что первостепенные дела, которыми только и занимается Рахметов, — это дела революционного подполья, все, что связано с подготовкой к грядущей крестьянской революции. Это же подчинение всего своего времени и внимания интересам революционного дела определяет и характер его отношений с людьми, круг знакомств, манеру обращения с собеседниками и т. д.

Он поддерживает знакомство, а тем более вновь знакомится только с людьми, имеющими влияние на других, т. е. способных расширить круг влияния революционных идей и в случае надобности привлечь на помощь революционному делу значительные силы. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никаким способом не мог войти даже в разговор с ним. Его интерес к Лопухову, Кирсанову, Вере Павловне связан именно с тем, что они пользовались влиянием среди передовой, демократически настроенной учащейся молодежи, среди рабочих мастерских, как Вера Павловна, среди рабочих завода, как Лопухов, стало быть могли практически содействовать делу революционной пропаганды и воспитания новых бойцов. Кроме того, Рахметов считал необходимым для дела поддерживать постоянную прочную связь с определенным кругом разночинно-демократической интеллигенции, с кругом людей, преданных передовым идеям и безгранично доверявших ему. «В кругу приятелей, сборные пункты которых

¹ «Комсомольская правда» от 30 мая 1935 г.

находились у Кирсанова и Лопухова, он бывал никак не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться в тесном отношении к нему: «это нужно; ежедневные случаи доказывают пользу иметь тесную связь с каким-нибудь кругом людей», — думал Рахметов.

«Ригоризм» Рахметова, его суровый отказ от удовольствий и соблазнов обыденной жизни; неумолимая требовательность к себе вызывают удивление и даже некоторую робость у людей совсем не робких: «...все несколько побаивались Рахметова и Лопухов и Кирсанов и все не боявшиеся никого и ничего чувствовали перед ним некоторую трусоватость». Вера Павловна называет его шутя «мрачным чудовищем». Но и она и читатель видят, что источником этой сосредоточенности и мрачности является не мизантропия или замкнутость, а как раз наоборот, — громадная, пламенная любовь к людям.

«Бывают на свете люди, ...которым чужое горе щемит сердце так же мучительно, как свое личное горе; люди, которые не могут чувствовать себя счастливыми, когда знают, что другие несчастны» (VI, 338), писал Чернышевский в одном из своих политических обзоров. К этой категории людей принадлежит и Рахметов. Он ни на минуту не умел забыть о страданиях народа, и поэтому веселье не могло увлечь его: «Вообще видишь не веселые вещи; как же тут не будешь мрачным чудовищем, — возражает он Вере Павловне. — Я не по своей охоте мрачное чудовище... мне самому хотелось бы не только исполнять мою обязанность, но и радоваться жизнью».

Чернышевский показывает, как Рахметов умеет быть веселым и отзывчивым в случае, когда «исполняет веселую обязанность», разъясняя Вере Павловне, что никакого самоубийства Лопухов не совершал. В разговоре со «свирепым Рахметовым» Вера Павловна неожиданно увидела его с новой стороны: «Какой это нежный и добрый человек!» — говорит она потом. «Проницательному читателю» Чернышевский специально разъясняет, что по существу «Рахметов не безусловно «мрачное чудовище,» что, напротив, когда он за каким-нибудь приятным делом забывает тоскливые думы, свою жгучую скорбь, то он и шутит, и весело болтает».

При помощи недомолвок и иносказаний Чернышевский дает почувствовать читателю размах подпольной деятельности Рахметова. Он связан с многими людьми, имеет многочисленных помощников, постоянно находится в разъездах по своим делам, и тогда в его квартире остается его помощник — «деловой и молчаливый, как могила», который по поручению Рахметова ведет переговоры со всеми, кто является к нему. Рахметов очевидно связан с революционной эмиграцией и с революционными организациями зарубежных стран. Отправляя

Лопухова за границу, он дал ему «некоторые поручения», а потом и сам отправился за границу.

В образе Рахметова раскрывается чрезвычайно высокое интеллектуальное развитие, широта кругозора, сила и самостоятельность мысли. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский так определил качества выдающегося, гениального ума: «Необычайная простота, необычайная ясность — удивительнейшее качество гениального ума. Но дело в том, что он берется за существенную сторону вопроса, от решения которой все зависит, а из всех вопросов опять берется за существеннейший в деле, от решения которого зависит понимание остальных вопросов, потому-то и ясен для него каждый вопрос, каждое дело» (III, 139).

Малочисленность таких людей в сравнении с общей массой обыкновенных людей вовсе не уменьшает их значения в жизни общества: «Мало их, — говорит Чернышевский, — но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теи в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Мысль Чернышевского о великом значении таких «особенных», выдающихся людей для жизни общества поэтически перефразировал годом позднее (1864 г.) Некрасов в замечательном стихотворении «Памяти Добролюбова»:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Современники находили в Рахметове сходство с Добролюбовым; это подтверждает и созданный Некрасовым образ, каждая черта которого может найти прямую аналогию в образе Рахметова:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.
Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой...

Однако Рахметов отнюдь не портрет Добролюбова. В биографии, внешнем облике, образе жизни Рахметова многое сов-

сем не сходно с Добролюбовым. Чернышевский и не ставил перед собой такой задачи — вывести на страницах романа под фамилией Рахметова своего молодого друга и соратника.

Отдельные конкретные черты биографии, связанные с периодом становления характера Рахметова, историей его перехода из среды помещиков-крепостников в лагерь новых людей, в лагерь революционно-настроенной интеллигенции, писатель мог наблюдать в кругу людей этой среды, мог позаимствовать кое-какие черты хотя бы из жизни знакомого ему Бахметева.

Крупный саратовский помещик П. А. Бахметев, подобно Рахметову, проникшись революционными и социалистическими идеями, стал вести аскетический образ жизни, а для своего богатства искать применения, полезного делу революционной борьбы. Однажды он явился в Лондон к Герцену, чтобы предложить ему деньги на развитие революционной пропаганды. Врученные Бахметевым 800 фунтов стерлингов помогли созданию знаменитого «Общего фонда», который субсидировал деятельность русской революционной эмиграции 60-х гг.¹

Но типические черты профессионального революционера в образе Рахметова не являются точным портретом отдельного исторического лица. Его образ — художественное обобщение лучших черт революционных деятелей того времени. В тексте романа Чернышевский ссылается на восемь образцов этой породы людей. Интересно, что Добролюбов в дневнике 1859 г. указывает примерно на то же количество верных единомышленников: «Во всяком случае мало нас: если и семеро, то составляет одну миллионную часть русского народонаселения. Но я убежден, что нас скоро прибудет»².

Рахметов впитал в себя все лучшее, что было свойственно каждому из закаленных и стойких профессиональных революционеров-руководителей, с которыми был тесно связан Чернышевский. Поэтому можно сказать, что, кроме Добролюбова, прототипами Рахметова являются и другие деятели революционного подполья 60-х годов.

Уже к концу 50-х годов вокруг Чернышевского сплотилась не только идейно, но и организационно целая группа литераторов, ученых и военных, стойких и мужественных людей, беззаветно преданных делу освободительной борьбы: Н. Добролюбов, М. Михайлов, С. Сераковский, Н. Шелгунов, В. Обручев, Н. Обручев, Н. Серно-Соловьевич, А. Серно-Соловьевич и

¹ О П. А. Бахметеве см. публикацию Н. П. Анциферова в «Литературном наследстве», т. 41—42, 1941, стр. 526—28, а также рассказ Герцена в «Былом и думах» (цит. изд., т. XIV, стр. 414—418).

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в шести томах, т. VI, стр. 488.

др. В 1860—61 гг. они создали подпольную революционную организацию¹, которая ставила своей задачей объединение разрозненных политических кружков и развертывание революционной пропаганды в массах.

Такая организация была необходима не только для того, чтобы в будущем, когда вспыхнет массовая крестьянская революция, возглавить ее и ввести в организованное русло, но и для того, чтобы готовить это народное возмущение путем систематической революционной пропаганды, путем организации подпольной печати, обращенной уже не только к «образованному» обществу, но и к крестьянству, к солдатам и другим беднейшим слоям населения.

«Надо писать, писать много и понятию народу, — писал Н. Серно-Соловьевич, — заводить тайные типографии, распространять напечатанное в народе и войске, обучать крестьян и солдат, заводить братства в полках, сближать солдат с народом»².

Это была целая программа действия, которая вырабатывалась и осуществлялась в эти годы под руководством Чернышевского. В полном соответствии с нею развертывалось подпольное издание прокламаций, обращенных к различным слоям народа: Чернышевским была написана прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», Шелгуновым «К солдатам», Михайловым и Шелгуновым «К молодому поколению». Деятель революционного подполья В. Обручев, человек, близкий к Чернышевскому, был арестован за распространение прокламации «Великорусс». Он состоял членом революционного кружка, издавшего эту прокламацию.

Усиление в 1861—62 гг. революционной деятельности Герцена и Огарева по развитию вольной бесцензурной печати для распространения в массах, несомненно, является непосредственным откликом на призыв подпольного революционного центра в России. Об этом свидетельствует сам Огарев, выступивший по поводу статьи Н. Серно-Соловьевича: «От всей души

¹ Вопрос о подпольной деятельности Чернышевского привлек внимание советских исследователей. Интересные данные на этот счет см. в работах: Б. П. Козьмин, Был ли Чернышевский автором письма «русского человека» к Герцену? «Литературное наследство», т. 25/26, 1936 г.; его же, Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов, «Вопросы истории», 1946 г., № 7; А. М. Панкратова, Процесс Чернышевского и его значение, сб. «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939 г.; М. В. Нечкина, Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации, «Исторические записки», т. 10; ее же, Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.), «Литературное наследство», т. 61, 1953 г.; Р. А. Табуний, К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в., «Исторические записки», т. 39.

² «Колокол», 1 сентября 1861 г., л. 107.

приветствуем живой призыв на живое дело... Мы давно думаем о необходимости органического сосредоточения, сил, да считали, что не от нас должна выйти инициатива, не из-за границы, а из самой России».¹

Чернышевский был не только идейным вдохновителем, но и практиком-организатором революционного подполья в России. Известно, что в марте 1861 г. он ездил в Москву для установления революционных связей, для организации и налаживания подпольной работы.

Революционная деятельность, которой руководил Чернышевский, не успела широко развернуться из-за того, что главные организаторы и руководители революционного центра в 1861—63 гг. были схвачены самодержавием (В. Обручев и Михайлов — в 1861 г., Чернышевский и Н. Серно-Соловьевич — в 1862 г.; Шелгунов — в 1863 г.).

Работая над созданием образа человека исключительного, особенного, Чернышевский отнюдь не шел по дороге беспочвенного вымысла, он опирался на жизненный опыт, на великолепное знание изображаемого. Он правдиво показывал то, что хотя и было еще необычным, исключительным, но все же реально существовало в действительности. Более того, Чернышевский великолепно понимал, что в этих исключительных, героических характерах с наибольшей полнотой воплощались существенные черты нового общественного движения — движения революционных демократов. Вымысел, работа художественного воображения здесь служит задаче образного обобщения реальных черт и явлений, концентрации существенного, закономерного в одном цельном типичном характере.

Для полноты характеристики художественного метода Чернышевского необходимо указать еще и на то, что в романе Рахметов дан не только в своем прошлом и настоящем, но также отчасти и в будущем. Мы знаем, что Рахметов ждал революционного взрыва в 1861 г. Когда Чернышевский писал роман, он знал уже, что жизнь не оправдала этих ожиданий революционного лагеря. «...волна революционного прилива была отбита...»². Но он видел, что ни один из вопросов русской жизни, вызвавших революционную ситуацию 1859—61 гг., не был разрешен реформой до конца. Кроме того, революционное возбуждение 1861—62 гг. поддерживало веру в близость революции.

Сцены пикника и шестой главы, заключающие роман, возвращают читателя к мысли о неизбежности и близости революции, которая должна явиться естественным, единственно желательным исходом борьбы новых передовых сил за осво-

¹ «Колокол», 1 сентября 1861 г., л. 107.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 41.

бождение народа. Глава «Перемена декораций» рисует светлый день исполнения желаний лучших людей России, тот «настоящий день», который может наступить только в результате победы народной революции.

Такой замысел выполнить в подцензурном произведении сколько-нибудь открыто, да еще в то время, когда автор находится в Петропавловской крепости и против него усердно подбираются улики для обвинения в революционной деятельности, было, конечно, невозможно. Здесь Чернышевский больше, чем в любой другой части романа, прибегает к эзоповским приемам иносказания, рассчитанным на догадливость демократического читателя и недогадливость царских слуг в охранке и цензуре.

Для этой цели в последних сценах романа снова появляются «особенные люди» — профессиональные революционеры. Они становятся в центре повествования в рассказе о пикнике и в главе «Перемена декораций» так же, как деятели революционного движения должны были стать центральными фигурами русской жизни в период прямой подготовки и осуществления революции. Эти герои не названы по имени, а выступают под условными определениями — «дама в трауре» и «человек лет тридцати». Но читатель ясно видит, что это «особенные люди» по тому, как относятся к ним «обыкновенные новые люди».

В сценах пикника вспоминают Рахметова, говорят о том, что пора бы ему вернуться, а «дама в трауре» своими песнями заставляет читателя вспомнить о суровом отказе Рахметова от любви и семейного счастья. Ее тревога о судьбе любимого, о грозящих ему опасностях вызывает мысль — не попался ли он в руки царских охранников.

В последней главе, действие которой датировано 1865 годом, происходит счастливая встреча «дамы в трауре» со своим возлюбленным — «человеком лет тридцати», очевидно освобожденным из царских застенков, и это снова возвращает мысль читателя к Рахметову, к его решению не встречаться с любимой, пока все помыслы и страсти должны принадлежать делу революционного подполья. Название главы «Перемена декораций», праздничная атмосфера этого эпизода, наконец, счастливое соединение «особенных людей», которых до сих пор труднейшие условия подпольной борьбы обречали на разлуку и одиночество, — все это вместе взятое создает впечатление, что обстановка русской жизни коренным образом изменилась, передает мысли Чернышевского о том, что революция должна победить в течение ближайших двух лет.

Именно так воспринимали смысл заключительных сцен романа передовые читатели. Это подтверждает, например, изло-

жение его финала, которое дал Г. В. Плеханов вскоре после смерти Чернышевского, в 1890 г., до опубликования каких бы то ни было архивных материалов, связанных с романом, до того, как могли появиться исследования и комментарии к нему. Плеханов писал, что роман «полон самых светлых надежд» и что эти надежды приурочиваются «к скорому торжеству освободительного движения в России. Намеки на близость этого торжества часто встречаются в романе. В эпилоге есть даже какие-то неясные указания на 1866 г., ...в котором должно произойти в России что-то особенное. Одна дама, являвшаяся в последних сценах романа и носившая траур по близком человеке, очевидно, находившемся в тюрьме или в ссылке, в 1866 г. едет по улицам Петербурга уже веселая и радостная в сопровождении своего освобожденного друга. Мы, разумеется, можем только догадываться, что хотел сказать этим автор»¹.

В «Заметке для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова», приложенной к рукописи последних сцен романа при пересылке ее из Петропавловской крепости в редакцию «Современника», Чернышевский сам указывает: «дама в трауре—та самая вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе» (XIV, 479). Тогда, естественно, «человек лет тридцати»—это Рахметов. Конечно это подтверждается и тем, что из всех женщин, изображенных в романе с симпатией и уважением, Чернышевский *только* о возлюбленной Рахметова говорит, что она «вероятно» сама сделалась «особенным человеком» — профессиональным деятелем революционного подполья.

В советском литературоведении существуют две различные трактовки этих образов. Они определились более 20 лет назад. Н. Бродский и Н. Сидоров, в соответствии с указанием Чернышевского, видели в таинственных незнакомцах Рахметова и спасенную им молодую вдову². В 1933 г. выступил В. Кирпотин с категорическим утверждением, что «дама в трауре» — это Ольга Сократовна Чернышевская, введенная в роман в качестве нового персонажа, а стало быть, «человек лет тридцати» — это автопортрет самого Чернышевского³. При этом В. Кирпотин даже не упоминает о «Заметке для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова», которая содержит иное объяснение этих образов и к этому времени была уже опубликована (1929 г.).

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 114. Дата Плехановым указана неправильно. Следует читать 1865 г.

² Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров, «Комментарии к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», изд. «Мир», 1933 г.

³ См. В. Кирпотин, Классики, «Советский писатель», 1938, стр. 228—230.

Эти две различные точки зрения существуют и до сих пор. Первая, совпадающая с указанием Чернышевского, принята в комментариях А. П. Скафтымова (XI, 704), в статье Н. Богословского¹, в книге Рюрикова² и др. Вторую, выдвинутую В. Кирпотиним, в последнее время поддержали Н. Водовозов³ и Б. Бухштаб⁴.

В отличие от других исследователей, Б. Бухштаб не просто декларирует эту точку зрения, но пытается аргументировать ее текстом романа и разобраться в противоречии между своей трактовкой образов заключительных сцен романа и содержанием «Заметки для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова». Некоторые предположения и суждения статьи Б. Бухштаба убедительны, остальные во всяком случае заслуживают внимания и разбора.

Совершенно справедливой представляется мысль о том, что записку, которую, как знал Чернышевский, будут очень внимательно читать жандармы, нельзя принимать в буквальном значении каждого ее слова, что она написана шифрованным, эзоповским языком и требует тщательного анализа с этой точки зрения. Несомненно прав Б. Бухштаб, когда рассматривает роман «Что делать?» как произведение, вполне законченное и цельное. Убедило нас и предположение, что Чернышевский вовсе не собирался на самом деле писать вторую часть романа⁵, что обещание закончить ее осенью или к зиме служит только для отвода глаз непрошенным читателям — чиновников третьего отделения, следственной комиссии и канцелярии обер-полицмейстера. Однако для доказательства этих, на наш взгляд, интересных и справедливых положений вовсе не требуется во что бы то ни стало отождествлять «даму в трауре» с Ольгой Сократовной Чернышевской, а «человека лет тридцати» с Чернышевским.

Прежде всего необходимо рассмотреть, насколько подтверждается это отождествление текстом романа. Б. Бухштаб пишет: «Мужчина, по которому тоскует «дама в трауре», никак не может быть Рахметовым, потому что Рахметов в это

¹ Н. Богословский, О романе Чернышевского «Что делать?», в кн. Н. Г. Чернышевский «Что делать?», Детгиз, 1950, стр. 16, 18.

² Б. Рюриков, Н. Г. Чернышевский, Гослитиздат, 1953, стр. 91.

³ Н. Водовозов, Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», изд. «Знание», 1953, стр. 25—29.

⁴ Б. Бухштаб, Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?», Известия АН СССР, отделение литературы и языка, т. XII, вып. 2, 1953.

⁵ Предположение, что Чернышевский всерьез намеревался писать вторую часть романа «Что делать?» сразу после революции, в близость которой он тогда твердо верил, что в записке изложен сюжет второй части, высказывал и автор этих строк (См. статью «Образ профессионального революционера в романе «Что делать?», «Октябрь», 1953, № 7).

время находится не в Петропавловской крепости, а в Америке, и он не является мужем «дамы в трауре». А раз так, — отпадает и основание отождествлять «даму в трауре» с прежней возлюбленной Рахметова»¹.

Но в сценах пикника, происходившего в начале 1863 г., во все нет указания на то, что Рахметов «в это время» находится в Америке, а муж «дамы в трауре» в Петропавловской крепости. О Рахметове известно только, что в 1859 г. он собирался «года через три», то есть в 1862 г., возвратиться в «Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре, «нужно» будет ему быть». Это примерно сходится и с намерениями, которые Рахметов высказал при отъезде Кирсанову и еще двум-трем самым близким друзьям: «ему здесь нечего делать больше, что он сделал все, что мог, что больше делать можно будет только года через три».

Стало быть, он рассчитывал на то, что крестьянская революция начнется в 1861—1863 гг., в связи с крестьянской реформой, и что к этому времени он вернется на родину. Подлинный революционер, он понимал, что все правительственные реформы только обманут народ, что они не разрешат крестьянского вопроса. Он рассчитывал, что этот момент будет особенно благоприятен для того, чтобы возглавить народные массы, пришедшие в движение и возмущенные обманом. Таков подтекст беседы Рахметова с друзьями перед его отъездом и разговора его с знакомым Кирсанова в вагоне между Веной и Мюнхеном.

В эти сроки ждали революционного взрыва и сам Чернышевский и его друзья по подполью. Так, Н. Серно-Соловьевич в статье «Ответ Великокоруссу» ориентировал в 1861 г. читателей «Колокола» на эти же сроки, утверждая, что открытое революционное выступление в России должно произойти «за два года от 61—63 гг.»

К 1863 г., когда происходит пикник, Рахметов, во всяком случае, *должен был вернуться в Россию*. Вернулся ли он? Где он находится теперь? В романе подчеркнуто, что это *неизвестно*: «чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни догадок, кроме тех, какие имеют все его знакомые»². В черновом варианте эта неизвестность относительно Рахметова подчеркнута еще раз:

— А где он теперь?

— Говорят, в последний раз видели его между Веной и Мюнхеном, говорил, что через год уедет в Америку.

¹ Б. Бухштаб, Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?», известия АН СССР, Отд. лит. и языка, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 163.

² Выделено нами.— Г. Т.

— Бьюмонт не встречал его там?

— Нет.

— Так и неизвестно, где он?

— *Неизвестно*¹.

Непонятна уверенность Б. Бухштаба в том, что Рахметов в 1863 г. находится именно в Америке, что поэтому возлюбленный дамы в черном «не он, не тот, кто сейчас в Америке».

На самом деле указания в тексте могут означать одно из двух: либо автор и его герои знают об аресте Рахметова, но не могут сказать об этом прямо и потому отговариваются уклончивым «неизвестно», либо им действительно *неизвестно*, где Рахметов. И это тем более тревожит их, что они ждали его возвращения в это время. Естественно, при таком исчезновении подпольщика первая мысль его друзей и близких — не схвачен ли он жандармами при возвращении на родину? Известно, что в условиях жандармского всевластия и произвола человека могли схватить и запрятать в каменный мешок без суда и следствия, так чтобы никто и не узнал об этом. Так схвачен был в августе 1861 г. при возвращении из-за границы 20-летний революционер Михаил Бейдеман, который служил наборщиком в Вольной русской типографии Герцена. При аресте у него было найдено воззвание к крестьянам, и он был заключен в одиночную камеру Алексеевского рavelина «впредь до особого распоряжения», которое не последовало 20 лет!

При возвращении из-за границы на пароходе был схвачен П. А. Ветошников с письмами от Герцена и Огарева. Интересно, что Ветошников, подобно Лопухову, ехал в качестве доверенного лица одной английской торговой фирмы. В Петропавловскую крепость он был доставлен 7 июля 1862 г. — в день ареста Чернышевского и Н. Серно-Соловьевича.

В обстановке тревожной неизвестности о судьбе Рахметова, а может быть имеющихся данных об его аресте, вполне естественно, что «дама в трауре» стремилась сблизиться с его друзьями — Кирсановыми и Бьюмонтами. И они встречаются впервые на пикнике: в новых обстоятельствах потеряла силу просьба Рахметова, чтобы Кирсанов не встречался с его возлюбленной; Рахметов избегал соблазна иметь возможность через Кирсанова что-либо узнавать о ней.

Кстати сказать, если предположить, что «дама в трауре» не «молодая вдова», любившая Рахметова, а Ольга Сократовна, то она была бы знакома и раньше с кругом людей, в котором, по авторскому признанию, часто бывал Чернышевский и который он даже называет в романе «нашим кружком».

¹ Выделено нами — Г. Т.

Второй аргумент Б. Бухштаба также мало состоятелен. Утверждая, что «дама в трауре» всего лишь беллетристический портрет Ольги Сократовны, исследователь ссылается на то, что «обликом и манерой поведения она близко напоминает Ольгу Сократовну Чернышевскую, как ее рисуют мемуары, дневники Чернышевского, роман «Пролог»¹. Это разительное сходство с Ольгой Сократовной Б. Бухштаб видит в энергии и живописи характера, в удали, с какой «дама в трауре» правит лошадьми, в пренебрежении к внешним приличиям, в чертах «отчаянной веселости в угнетенном положении».

Но, во-первых, эти черты явственно намечены и в образе молодой вдовы: она тоже «сама правила и не справилась» с бешеными лошадьми (почему и понадобилось, чтобы Рахметов ее спасал); она, несомненно, идет на нарушение внешних приличий, когда, поняв невозможность обычного брака и семейной жизни с ним, предлагает Рахметову: «Пока вам придется бросить меня, до тех пор любите меня». Во всем этом тоже проявляется та живость, стойкость и инициатива характера, которая посторонним могла казаться бесперемонностью.

Во-вторых, все эти соображения о сходстве некоторых черт «дамы в трауре» с чертами Ольги Сократовны говорят только о том, что она может считаться одним из прототипов этого образа, что, рисуя героический женский характер, Чернышевский наделил его некоторыми чертами, которые особенно любил в своей жене. И это вовсе не исключает того, чтобы «дама в трауре» была «молодой вдовой» после перелома в ее жизни, который выработал из нее «особенного человека».

Следует отметить еще одно обстоятельство, подтверждающее тождество «дамы в трауре» и молодой вдовы, полюбившей Рахметова. В первоначальном варианте романа, где нет еще ни сцен пикника, ни «дамы в трауре», в изображении молодой вдовы отсутствует указание на то, что «в ее жизни должен был произойти перелом», что «по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком». Оно введено только в окончательный текст, вместе с заключительными сценами романа и образом «дамы в трауре». В окончательный текст введено еще одно уточнение, объясняющее, что толкнуло молодую вдову на путь революционной деятельности: если в первоначальном варианте сказано просто: «Речи Рахметова очаровали ее», то в окончательном тексте читаем: «*Огненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровали ее.*»

Сцены пикника построены Чернышевским так, что сама их последовательность служит интересам поэтического иносказа-

¹ Известия АН СССР, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 161.

² Выделено нами — *И. Т.*

ния, эзоповской передачи мысли. Смена эпизодов и диалогов ясно показывает, что уход «дамы в трауре» вызывает среди оставшихся разговор о человеке, за которого она тревожится, разговор о Рахметове, хотя имя его прямо не названо. Тяжелая тревога «дамы в трауре» заставляет немедленно вспомнить «его», а последующий разговор о «его» судьбе и о том, что Рахметову «пора бы вернуться», напоминает о «даме в трауре»: Мосолов показывает Никитину, что она вовсе не спит, а грустит в одиночестве. В сознании окружающих эти люди очевидно связаны. Только юноша Никитин, человек пока еще новый в этой среде, которого не торопятся посвятить в подробности взаимоотношений, имен, связей между людьми подполья, впервые встретившись с «дамой в трауре», естественно, не знает ни ее истории, ни имени человека, о котором она тоскует. Восприняв настойчивую, но невысказанную мысль окружающих, связывающих судьбы этих двух замечательных людей, он высказывает ее вслух как пришедшую ему в голову «фантазию».

Подтверждение тождества «дамы в трауре» с Ольгой Сократовной Чернышевской Б. Бухштаб видит в том, что она говорит, сменив траур на праздничный наряд в заключительной главе романа: «Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двух лет». Б. Бухштаб утверждает, что «это соответствует сроку между арестом Чернышевского в июле 1862 г. и временем действия шестой главы — весной 1865 года»¹.

Однако этот аргумент говорит скорее против него. При вынужденных иносказаниях и недомолвках Чернышевский придавал большое значение хронологическим данным романа: продуманность и точность хронологии помогала читателям понимать его «тайнопись». Действие главы «Перемсна декораций» происходит скорее летом, чем весной 1865 г., во всяком случае, самой поздней весной: розовое платье и шляпу в Петербурге нельзя одеть раньше мая. Значит, действие последней главы происходит почти через три года (без месяца или двух) после ареста Чернышевского, а не «с лишком через два года». Да к тому же «дама в розовом» и сама поясняет, с какого момента она ведет свой счет — с того времени, когда она познакомилась на пикнике с Никитиным, Кирсановыми и Бьюмонтами — с конца зимы 1863 г. С этого времени действительно прошло два года с лишком.

«Дама в розовом» говорит: «в то время, как познакомилась вот с ним (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтоб ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и уверенность». Могла ли Ольга Сократовна сказать это Чернышев-

¹ Известия АН СССР, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 162.

скому, имея в виду свои надежды на его освобождение? Почему же она зимой 63 года «только предчувствовала, но нельзя сказать, чтоб ждала» его освобождения, если даже, по словам Б. Бухштаба, до предъявления подложной записки Вс. Костомарова Чернышевский сам верил в реальную возможность скорого освобождения и внушал эту уверенность жене и друзьям? Выходит тогда, что именно после предъявления подложных улик мужу ее надежда на освобождение превратилась в «уверенность», и она стала ждать «этого дня». На самом деле Ольга Сократовна Чернышевская, конечно, страстно «ждала» освобождения мужа и до и после предъявления подложных улик!

Смысл слов «дамы в розовом» о том, как предчувствие и надежда перешли в уверенность и ожидание «этого дня», гораздо глубже и значительнее. Речь идет не только о дне встречи с любимым, но и о приходе того «настоящего дня», который со времени знаменитой статьи Добролюбова стал синонимом победоносной революции.

Скрытый смысл ее слов точно отражает ожидания и надежды революционно-демократической интеллигенции, о которых глухо, эзоповским языком сказано и в сценах пикника, происходившего в начале 1863 г. Чернышевский передает там только обрывки серьезного разговора, нарочито разделенные паузами—пропуском строки, как бы предоставляя возможность читателю догадываться, о чем говорилось «между строк». Он дает понять, что речь шла и о крестьянских волнениях, и о растущем правительственном терроре — о зверских расправах карательных экспедиций с крестьянами.

«Сидели все вместе.

— Ну, что ж, однако, в результате: хорошо или дурно? — спросил тот из молодежи, который принимал трагическую позу.

— Более дурно, чем хорошо, — сказала Вера Павловна.

— Почему ж, Верочка? — сказала Катерина Васильевна.

— Во всяком случае, без этого жизнь не обходится, — сказал Бьюмонт.

— Вещь неизбежная, — подтвердил Кирсанов.

— Отлично дурно, следовательно, отлично, — решил спрашивающий».

Только о таком обострении классово-борьбы, которое вызывает жестокие расправы царских карателей, можно спросить: «хорошо это или дурно?» и сделать вывод: «чем хуже, тем лучше», чем сильнее гнет, тем ближе взрыв.

Надежды на близкую революцию выражены в разговорах о Рахметове.

В черновом варианте сцены пикника мысль о нарастании революционного возбуждения, о близости революции была выражена гораздо яснее, хотя тоже в форме иносказания:

«— А пора б ему воротиться!

— Да, пора.

— Не беспокойтесь, не пропустит своего времени.

— Да, если не возвратится?

— Так что ж? (Ты знаешь, свято место не бывает пусто).

За людьми никогда не бывает остановки, если будет им дело: — найдется другой, — был бы хлеб, а зубы будут.

— А мельница мелет, сильно мелет! — Готовит хлеб!»

Однако это иносказание оказалось слишком прозрачным, пришлось воспользоваться только глухим намеком на близость революционного взрыва.

Таким образом, «дама в розовом», говоря о том, что она два года ждала «этого дня», имеет в виду в первую очередь день революции, день победы народа над черными силами реакции, который для нее, кроме того, связан с возможностью соединения с любимым.

Против Б. Бухштаба говорят и другие хронологические указания главы «Перемена декораций». Глава начинается так:

«— В Пассаж! — сказала дама в трауре, только теперь она была уже не в трауре: яркое розовое платье, розовая шляпа, белая мантилья, в руке букет. Ехала она не одна с Мосоловым; Мосолов с Никитиным сидели на передней лавочке коляски, на козлах торчал еще третий юноша; а рядом с дамою сидел мужчина лет тридцати. Сколько лет было даме? Неужели 25, как она говорила, а не 20? Но это дело ее совести, если прибавляет».

Ольга Сократовна Чернышевская была в 1865 году дамой 32 лет, и вряд ли ей была свойственна манера молодиться, на семь лет приуменьшая свой возраст. Значительно ближе к возрасту, указанному в романе, возлюбленная Рахметова — «молодая вдова». Вряд ли и Чернышевский, никогда не отличавшийся особенной моложавостью, представлял себе, что в 1865 г., в свои 37 лет, да еще после трехлетнего одиночного заключения, он будет выглядеть «мужчиной лет тридцати». И это возрастное определение больше сходится с данными о Рахметове.

Попытки Б. Бухштаба опереться на текст романа при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными.

Это вовсе не значит, что мы отрицаем вероятность своеобразного лирического подтекста в сценах пикника и в главе «Перемена декораций». Действительно, «дама в трауре» «находится в положении, аналогичном положению Ольги Сократовны во время ареста Чернышевского»¹, аналогичном — прибавим от себя — положению возлюбленных и жен всех революционеров, схваченных в те годы, когда общественную

¹ В. Криптин, Классики, 1938, стр. 229.

обстановку характеризуют «многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным суждением на каторгу Чернышевского...»¹.

Такой лирический подтекст несколько не противоречит мысли, что в этих образах дана не простая литературная фотография обстоятельств, сложившихся в жизни самого автора и его близких, а художественное обобщение обстоятельств, типичных в эти годы для жизни и взаимоотношений между людьми революционного подполья.

Все эти натяжки текстологического анализа нужны Б. Бухштабу для доказательства мысли уже вполне оригинальной, впервые выдвинутой в его статье. По его концепции, побудительной причиной и главной целью, вызвавшей появление заключительных сцен романа с их зашифрованными образами, было следующее: «Чернышевский может быть освобожден из крепости только победившей революцией: об этом говорит конец романа. Прежде Чернышевский писал жене из крепости, что обвинять его не в чем и правительство должно будет с конфузом его выпустить. Но за две недели до окончания романа «Что делать?» Чернышевскому предъявили подложную записку, «уличавшую» его в написании прокламации «Барским крестьянам», — и Чернышевский понял, что вывести его из тюрьмы может только революция. Перемена в его судьбе может быть только результатом «перемены декораций»². *Конец романа является зашифрованным сообщением об этом*»³.

Для доказательства этой идеи и понадобилось «скомпрометировать» фактическое указание Чернышевского на тождество «дамы в трауре» с молодой вдовой.

Мысль о том, что «дама в трауре» может быть возлюбленной Рахметова и в то же время одним из ее жизненных прототипов является Ольга Сократовна Чернышевская настолько естественна, что это чувствует и Б. Бухштаб: «При отождествлении же «дамы в трауре» с «молодой вдовой», а ее спутника в последней главе с Рахметовым получаются как бы тройные ряды, в которых Чернышевский и Ольга Сократовна могут фигурировать уже не как персонажи, а только как прототипы Рахметова и любимой им женщины»⁴.

Однако эту мысль Б. Бухштаб отвергает потому, что она противоречит предположению о практически-конспиративной задаче финальных сцен романа, ибо слишком усложняет

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

² Подчеркнуто автором.

³ Известия АН СССР, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 162 (Выделено нами. — Г. Т.).

⁴ Там же, стр. 162—63.

«шифровальный код», при помощи которого писатель намерен был передать на волю, что его надежды на освобождение рухнули и что его освободит только революция. Но ведь это намерение Чернышевского как раз и требуется еще доказать! Автор настолько загнипнотизирован собственной «системой предположений», что не замечает порочного круга: конспиративная цель финальных сцен романа доказывается тождеством «дамы в трауре» и Ольги Сократовны, а это тождество в свою очередь доказывается тем, что оно было необходимо для конспиративной задачи!

Насколько основательно само предположение Б. Бухштаба о шифрованной практической задаче последних сцен романа? Чернышевский вовсе не придавал такого значения записке В. Костомарова для исхода следствия и судебного разбирательства. Этот грубый подлог, по его убеждению, легко было разоблачить. Как до, так и после 16 марта (дата предъявления подложной улики) он не терял надежды добиться освобождения, зная, что никакими серьезными материалами против него царские жандармы не располагают. Чернышевский рассчитывал, конечно, не на «справедливость» царского суда, а на то, что суд в данном случае не решится на прямое и полное беззаконие, слишком громкое вследствие широкой известности обвиняемого. Если расчеты его не оправдались, а царизм пошел на скандальное нарушение собственной законности, то подлог Костомарова особенно существенного значения при этом иметь не мог ни в действительном ходе дела, ни в глазах Чернышевского. Поэтому после 16 марта и даже после пересылки романа в «Современник» Чернышевский по-прежнему убеждает близких в возможности своего скорого освобождения¹.

Если бы Чернышевский после середины марта считал, что его освободит только революция, он не вызывал бы детей из Саратова, не уверял бы в письмах к родным, что скоро устроится жить попрежнему, не рассчитывал бы выйти на поруки с разрешения сената. Если еще до суда эти надежды были разрушены, то не предъявлением подложных улик, а именно тем, что роман удалось опубликовать, и задним числом обнаружилось для тюремщиков Чернышевского громадное революционизирующее влияние этой книги. «С тех пор его стали содержать строже», писал современник этих событий историк Н. Костомаров.

Находясь в крепости, Чернышевский до самого суда не опускал руки и стойко боролся за свое освобождение, чтобы самому участвовать в подготовке революции.

¹ См. Н. М. Чернышевская, *Летопись жизни и творчества Н. Г. Чернышевского*, Гослитиздат, 1953, стр. 293, 302—303 и др.

Странной и несвойственной Чернышевскому представляется и сама идея, которую приписывает ему Б. Бухштаб: в романе, обращенном к широкому читателю, связывать идею победы революции с мыслью об освобождении персонально его самого, а не всех «особенных людей» — борцов революции, которые томились в эти же годы в царских казематах (Михайлов, В. Обручев, П. Серно-Соловьевич и десятки других, менее известных борцов революционного подполья).

Революционная «перемена декораций» в политической жизни страны, конечно, связана у Чернышевского с мыслью об освобождении всех узников самодержавия, о переходе их к открытой деятельности вожаков всенародного революционного движения. Только в такой деятельности могут полностью вернуться все способности и силы этих незаурядных «особенных» людей. И эта мысль естественнее и доступнее для читательской массы передается образом Рахметова, освобожденного и от царского плена, и от собственного аскетического ригоризма. Трактовка скрытого за эзоповским инсказанием смысла заключительных сцен, предложенная Б. Бухштабом, мельчит идейный замысел, снижает его широкую общественную значимость.

Стремясь раскрыть образ героического борца за дело народа в его прошлом, настоящем и будущем, Чернышевский понимал, что новый этап в развитии характера русского профессионального революционера будет неразрывно связан с переходом самого революционно-освободительного движения к новым формам — к открытой, массовой, всенародной организованной борьбе против угнетателей.

Чернышевский не мог показать своего героя в развороте революционной борьбы, потому что не осуществилась массовая крестьянская революция в России.

Только несколько десятилетий спустя, когда во главе освободительной борьбы всего трудового народа встал пролетариат и движение под его руководством привело к массовой, действительно всенародной революции, историческая жизнь России создала реальную почву для изображения общественного деятеля-революционера как вожака народных масс.

То, чего не мог осуществить Чернышевский, которому жизнь еще не давала для этого материала, было осуществлено в нашем столетии литературой социалистического реализма. Горький в романе «Мать», позднее Фурманов, Фадеев, Н. Островский и многие другие советские писатели создали яркие реалистические образы профессиональных революционеров-коммунистов, становящихся во главе широчайших масс трудового народа, ведущих эти массы на величайшую в истории револю-

цию, на грандиозную работу по коренному социалистическому переустройству жизни.

Историко-литературная связь и преемственность традиций отражает преемственность традиций революционной борьбы передовых людей русского общества. Все, о чем мечтали революционеры-демократы во главе с Чернышевским, осуществил русский рабочий класс и его партия — как в области практической жизни, так и в области духовной культуры — в литературе и искусстве.

Величайшая заслуга Чернышевского-художника заключается в том, что он сумел, несмотря на препоны и рогатки цензуры, создать героический образ революционера, пламенного патриота и борца за интересы трудового народа. Он художественно отобразил одну из самых важных и поучительных страниц героической истории русского освободительного движения. Стремясь запечатлеть в художественной форме черты русских революционеров 60-х годов, Чернышевский создал образ такой красоты и силы, исполненный такой веры в неиссякаемые творческие возможности народа, что он и до сих пор сохраняет огромное воспитательное значение.

Образ Рахметова дает самый полный, всеобъемлющий ответ на вопрос: что делать? Высшее и лучшее, что должен делать человек, страстно любящий свою родину — это самоотверженно служить интересам ее развития и счастья, бороться за освобождение от эксплуатации трудового народа. Только в таком беззаветном служении великому делу раскрываются и крепнут героические силы и возможности человека.